

Дымка окутывала далекие горы, то приближая их, то отдаляя. Вершины хребтов Цинсяо-цзун плыли в небесах, подобные скоплениям туманных островов. На бескрайней глади реки колыхались отражения скал и величественного силуэта древней пагоды.

Это была Башня Древнего зеркала. Возвышаясь на сто шестьдесят чжанов в самой гуще бескрайнего зеленого леса, она пронзала шпилем облака. Буддийская святыня стояла на стыке двух миров: в трех ли к югу раскинулся Храм Десяти тысяч Будд, а в шести ли к северу высились чертоги Цинсяо-цзун.

Снег, шедший всю ночь, к утру укрыл землю плотным ковром. Монахи у подножия башни усердно разгребали сугробы, когда из заснеженной чащи показались двое благородных юношей — статные, прекрасные, точно выточенные из нефрита. Заметив их, послушники тут же оставили метлы и поспешили навстречу.

— А, это алхимик Сыту и молодой господин Шэнь, — поклонился один из монахов. — Какими судьбами в наших краях?

Сыту Чэ мягко улыбнулся.

Одетый в свободное одеяние цвета лунного сияния, изящный, с тонкими изгибами бровей и чувственными губами, он казался воплощением томной полусонности. От него веяло легкой усталостью и ленью, которая, впрочем, нисколько не отталкивала, а лишь придавала ему особое очарование.

— Несколько дней назад здесь поблизости похитили двоюродного брата моего ученика, — лениво отозвался Сыту Чэ. — Я привел его осмотреться, вдруг найдем зацепку. Не утруждайте себя, почтенный, мы сами справимся.

Обменявшись приветствиями, заклинатели подошли к подножию башни. Однако сколько ни всматривались в истоптанный снег, никаких следов так и не нашли.

— Похоже, твоего братца перехватили еще на подступах к башне, — хмыкнул Сыту Чэ. — Шустрый же этот паршивец.

— Мой кузен еще слишком юн, да и совершенствованием не силен, — со вздохом ответил Шэнь Лифэн. — Куда ему тягаться с Вэйцы-цзюнем, возглавляющим Список десяти святых. Одно непонятно: зачем Вэйцы-цзюню похищать Мин-эра? И куда они направились?

При упоминании Вэйцы-цзюня Сыту Чэ посмотрел с теплотой и той мягкой, всепрощающей нежностью, с какой старшие обычно смотрят на капризных, но любимых детей. Прикрыв рот ладонью, он тихонько рассмеялся:

— Ну, характер у этого сорванца действительно несносный. Он скор на расправу, обожает

распускать руки и заставляет исходить желчью половину заклинателей Поднебесной, пока сам наслаждается тишиной. Стоит ему разозлиться — и весь мир летит к чертям. Но поверь, сердце у него не злое. Так что не изводи себя понапрасну.

Шэнь Лифэн промолчал.

В глубине души он всерьез опасался, что его несчастный кузен уже давно покоится в сырой земле, приконченный этим самым «сорванцом».

— Учитель, я бы хотел спуститься с горы и продолжить поиски, — твердо произнес Шэнь Лифэн.

Он надеялся хотя бы на крошечный шанс. Ожидая, что наставник воспротивится этой затее, он с удивлением обнаружил, что Сыту Чэ даже не смотрит на него. Лениво накручивая на палец прядь волос у виска, тот проворчал:

— И то верно. Чем киснуть на пике Шулан, переводя редкие травы на всякую дрянь и превращаясь в законченного сухаря, лучше проветриться. Ступай, погляди на мир, развеи тоску.

—... — Шэнь Лифэн растерялся. — Учитель, с каких пор изготовление священных пилюль стало именоваться «всякой дрянью»?

В конце концов, разве сам Сыту Чэ не был великим алхимиком?

Тот сильно прищурился:

— Лифэн, напомни-ка, чему я тебя учил в первую очередь?

—... Если учитель велит идти налево, ученик не смеет смотреть направо. Перечить воле наставника — тягчайший грех.

— Вот и умница, — Сыту Чэ небрежно махнул рукой, словно отгоняя назойливую муху. — А теперь брысь отсюда, глаза б мои тебя не видели.

Шэнь Лифэн не знал, плакать ему или смеяться.

Праучитель Пэй Таньцзы, когда-то поседевший за одну ночь от горя, до сих пор души не чает в своем строптивом ученике Вэйцы-цзуне. А его собственный наставник спит и видит, как бы поскорее избавиться от единственного подопечного.

Сравнивать Сыту Чэ с великим Пэй Таньцзы, конечно, глупо — один ютится где-то посередине иерархии, а второй стоит на самой вершине мира заклинателей, возглавляя величайшую секту. И все же оба они люди. Почему же разница в отношении к ученикам настолько колоссальна? Шэнь Лифэн порой всерьез сомневался, не подкинули ли его в эту палату алхимии.

Но делать было нечего. Воля учителя — закон для послушника. Шэнь Лифэн лишь покорно склонил голову.

Долина радостных кошмаров

В Долине радостных кошмаров существовала незримая граница: стоило сделать шаг за пределы мрачной теснины, как мир вокруг заливал ослепительный солнечный свет.

Лян Сюань шел угрюмым, злым как черт, а пушистое недоразумение у него на макушке всю дорогу заливалось истошным криком, призывая матушку.

Когда эта пернатая тварь впервые обозвала его матерью, Лян Сюаню захотелось с разбегу убиться об стену. Мать его, за всю жизнь — и в прошлой, и в этой — его никто так не оскорблял! Но потом в нем проснулся любопытный трансмигрант: сюжет с обретением роли «мамочки» для глупой птицы казался довольно забавным и свежим. Почему бы не попробовать?

Увы, эксперимент с треском провалился. Собственное эго взбунтовалось.

Быть матерью для птицы? Да это же чистой воды издевательство!

Лян Сюань посуровел.

«Ладно, — мысленно успокаивал он себя, — все птенцы поначалу орут как резаные. Оглохну, конечно, но как-нибудь перетерплю».

Маленькая голубка склонила голову и принялась увлеченно клевать его макушку, словно добывая червяков из прически.

Лян Сюань резко замер. Схватив птицу поперек туловища, он уставился на нее взглядом голодного упыря:

— Жить надоело, пернатая?

Если не пресечь это немедленно, один из них точно сойдет с ума.

Птенец дикой голубки с яркой оранжевой грудкой приоткрыл нежно-голубой клюв и завел свою залиvistую, безумную трель, не замолкая ни на секунду.

— Заткнись, дурная птица, — процедил Лян Сюань.

— Матушка! — радостно отозвался тот.

—... — Лян Сюань мысленно выругался. Черт бы тебя побрал.

Пока Лян Сюань ходил на поиски Тан Ци и Бай Цзю, Шэнь Гумин сидел на привязи, намертво прикрученный пеньковой веревкой к толстому стволу. Завидев вдали знакомый белый силуэт, парень едва не разрыдался от облегчения и закричал на всю долину:

— Старший-старший! Ну за что вы меня связали?!

Лян Сюань неторопливо приблизился:

— Не ной. Считаю это развлечением.

Он подвесил главного героя на дереве превентивно: во-первых, чтобы тот не путался под ногами и не мешал решать дела с Тан Ци. Во-вторых, Лян Сюань искренне надеялся подточить упорство мальчишки. Пусть поймет, что в учениках у великого и ужасного Вэйцы-цзюня его не ждет ничего, кроме издевательств и страданий.

Проще говоря: держись от меня подальше, малец.

— Учитель!..

— Кого ты там кличешь? Разве я соглашался брать тебя в ученики?

Честно говоря, Лян Сюань уже сто раз пожалел, что сдуру пообещал «подумать». Главный герой сейчас — сущий слабак, обуза. Почему бы просто не бросить его здесь? И даже если этот настырный щенок увяжется следом, можно просто игнорировать его, обдавать ледяным презрением и делать вид, будто его не существует. Рано или поздно парень сломается и уйдет сам.

Однако все эти здравые мысли рассыпались в прах перед его собственной натурой скрытого садиста. Лян Сюань обожал дразнить этого наивного дурачка и наблюдать за его уморительными гримасами обиды и бессильной злобы.

Вот и сейчас, глядя в полные слез глаза Шэнь Гумина, Лян Сюань не выдержал и ухмыльнулся.

Сменив гнев на милость, он решил его освободить.

Взмах меча перерубил путы. Шэнь Гумин кубарем полетел вниз, но Лян Сюань вовремя шагнул вперед и поймал его. Мальчишка со всего маху рухнул прямо ему в объятия.

В то же мгновение Шэнь Гумина окутал тонкий, едва уловимый аромат диких орхидей. Этот запах пьянил, кружил голову и рождал странное, почти пугающее чувство безмятежности.

Поддавшись какому-то неосознанному порыву, юноша потянулся ближе к шее своего спасителя, пытаясь вдохнуть побольше этого дивного аромата.

Едва теплое дыхание коснулось кожи, Лян Сюань вздрогнул как от удара током. Он резко разжал руки, отступая на несколько шагов назад, и ошарашенно выкрикнул:

— Да ты совсем страх потерял, маленький бессмертный господин?! Решил потискать меня?!

Шэнь Гумин шмякнулся на землю. Высота была пустяковой, так что он даже не ушибся. Потирая ушибленный бок и постепенно осознавая всю двусмысленность своего поведения, он густо покраснел и смущенно забормотал:

— Нет-нет, я не хотел... Просто от вас так чудесно пахнет, уважаемый старший.

Этот запах казался ему до боли знакомым.

Заметив, что Лян Сюань молчит, Шэнь Гумин неловко прикусил губу и совсем тихо спросил:

— Уважаемый старший... ваша шея... неужели она настолько чувствительна?

Ему показалось, что реакция великого заклинателя была чересчур бурной. Обычный человек на его месте просто бы отстранился, а Вэйцы-цзюнь задрожал всем телом от легкого прикосновения.

Лян Сюань нахмурился:

— Чушь собачья. Ты мне прямо за шиворот дышал, извращенец мелкий! И надо же было мне тебя ловить... Тьфу, неблагодарный щенок.

Разумеется, отрицать очевидное было глупо: Лян Сюань прекрасно знал о слабостях своего тела. Стоило случайно задеть шею кончиками пальцев, как по телу пробежала щекотная дрожь. И ладно бы только шея — талия и бедра Лян Ланьина тоже были сверхчувствительными. Ткни в любое место — пиши пропало.

Что и говорить, физиология у Первого красавца Поднебесной была весьма... пикантной.

Если бы не великая сила и грозная репутация оригинала, Лян Сюаня с такой внешностью и телом давно бы продали в какой-нибудь элитный веселый дом. Впрочем, учитывая контингент местных богатых матрон и влиятельных господ, он бы и там не пропал — миллион серебром в месяц был бы обеспечен.

Желая сохранить лицо, Лян Сюань никогда бы не признался в своей постыдной чувствительности.

— Ты меня домогался, — безапелляционно заявил он.

— Вовсе нет! — взмолился Шэнь Гумин.

— Прежние наглецы, пытавшиеся распускать руки, давно кормят червей, — холодно отрезал Лян Сюань.

—... Я правда не хотел, клянусь!

Шэнь Гумин выглядел таким испуганным и забавным, что Лян Сюань решил сжалиться. Чтобы закрыть тему, он бесцеремонно снял с головы надоедливую птицу и швырнул ее прямо в руки юноше:

— Держи. С этого дня — твой сын.

Шэнь Гумин уставился на крошечного птенца в своих ладонях, потеряв дар речи. За какие грехи судьба так обходится с шестнадцатилетним парнем?

— Старший... но это же самочка.

Лян Сюань даже бровью не повел:

— Значит, дочь.

—... — Шэнь Гумин окончательно запутался.

Да и как спорить с Первым красавцем Поднебесной? У этого взбалмошного мужчины была своя, абсолютно непрошибаемая логика. Перечить ему — себе дороже. Единственное, что оставалось делать, — плыть по течению.

Но признать дику голубку своей дочерью в шестнадцать лет — это уже за гранью добра и зла.

Поэтому Шэнь Гумин решил пойти на компромисс. Пусть птица будет ему младшей сестренкой. Умной пернатой сестренкой, которая с рождения умеет звать маму.

Парень вообще любил всякую живность, особенно такую пушистую и милую. Когда крошечный птенец доверчиво ткнулся клювом в его ладонь, сердце юноши окончательно растаяло.

— Старший-старший, давайте вместе придумаем ей красивое имя!

Лян Сюань скрестил руки на груди, скептически разглядывая его:

— Тебя так быстро отпустило?

Секунду назад упирался всеми силами, а теперь уже имя выбирает. Неужели все современные подростки так падки на пушистых тварей?

— Называй как хочешь, — бросил Лян Сюань.

Шэнь Гумин задумался:

— Как насчет Сяо Чжичжи?

Лян Сюань скривился:

— А чего не Сяо Чичи?

— ... — Шэнь Гумин подавился воздухом.

Птенец, словно поняв оскорбление, задрал голову и жалобно запищал. Шэнь Гумин принялся бережно баюкать его в ладонях:

— Он ведь из демонов, верно? Рано или поздно примет человеческий облик. Ему нужно приличное имя и фамилия. Какую фамилию ему дать?

— У него есть отец, — Лян Сюань покосился на ярко-желтые перышки птенца. — Его фамилия Тан.

— А почему отец сам не дал ему имя? И почему он не с родителями?..

Лян Сюань прислонился к дереву. Его взгляд стал ледяным — равнодушным и опасным. Этот взгляд заставил Шэнь Гумина мгновенно замолчать.

«У нашего старшего скверный нрав, — пронеслось в голове юноши. — Если буду лезть с расспросами, он меня пришибет. Нужно помалкивать, поменьше болтать и больше делать. Только так можно заслужить благосклонность будущего учителя!»

— Хм, тогда как ее назвать? — засуетился Шэнь Гумин. — Тан Сяотан? Тан Мэйли? Тан Сяохуан? Тан Хуанхуан? Тан Чжичжи? Тан Чичи?..

Что за бред он несет?

Лян Сюань со вздохом предложил:

— Как тебе Тан Анталины Сюэшанли JQ Хуаньцай Бинцзин Мэндэ?

Классическое имя героини из дешевых романов эпохи зарождения интернета. Долгое, пафосное, вычурное — идеальное оружие против здравого смысла.

Но главный герой, не задумываясь ни на секунду, восторженно захлопал в ладоши:

— Потрясающе! Звучит невероятно благородно! Старший-старший, у вас настоящий талант давать имена!

Судя по сияющим глазам, он говорил это абсолютно искренне.

Лян Сюань лишился дара речи.

Ну и ну. Похоже, у главного героя «Пути бессмертия» напрочь отсутствовало чувство прекрасного.

Да и это дурацкое «старший-старший» уже сидело в печенках. Нельзя ли как-то попроще?

Пока Шэнь Гумин не принял этот маразм за чистую монету и не заставил Лян Сюаня повторить всю эту абракадабру еще раз, тот тяжело вздохнул и невольно коснулся пальцами кулона на груди.

— Тан Тянь, — тихо произнес он.

—... Что? — Шэнь Гумин моргнул.

Лян Сюань сжал в ладони нефритовый кулон в форме капли крови. Он едва заметно вздрогнул.

Когда он заговорил вновь, его голос звучал мягче журчания весеннего ручья:

— Его зовут Тан Тянь.

«Тан Тянь, — повторил он про себя. — По фамилии Тан, по имени Тянь, а второе имя — Яньжань. Пусть отныне зовется так».

<http://bllate.org/book/18178/1749173>